

ШАРЛЬ

БОДЛЕР

ЦВЕТЫ ЗЛА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Шарль Бодлер

Цветы зла

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51700963

Цветы зла : [сборник] / Шарль Бодлер : АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119471-0

Аннотация

В этот сборник вошли две книги Бодлера – «Стихотворения в прозе» и принесшие автору громкую международную славу программные «Цветы зла». Книга-манифест французского символизма впервые была опубликована в 1857 году и вызвала бурную общественную реакцию. Для поэта скандал закончился судебным штрафом, тираж книги был арестован, а наиболее «неприличные» стихотворения изъяты из сборника.

Время расставило все по своим местам: давно забыты имена косных гонителей, а стихотворения Бодлера, с их ярким колоритом, сверкающей образностью и свободным полетом воображения, по-прежнему восхищают и завораживают истинных любителей поэтического слова всего мира.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Цветы зла	5
Вступление	5
Сплин и идеал	8
I	8
II	11
III	12
IV	13
V	14
VI	16
VII	18
VIII	19
IX	20
X	21
XI	22
XII	23
XIII	24
XIV	25
XV	26
XVI	27
XVII	28
XVIII	29
XIX	30
XX	31

XXI	33
XXII	34
XXIII	35
XXIV	37
XXV	37
XXVI	38
XXVII	39
XXVIII	40
XXIX	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Шарль Бодлер

Цветы зла

Сборник

Цветы зла

НЕПОГРЕШИМОМУ ПОЭТУ

всесильному чародею

французской литературы

моему дорогому и уважаемому

УЧИТЕЛЮ И ДРУГУ

ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

как выражение полного преклонения

посвящаю

ЭТИ БОЛЕЗНЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Ш. Б.

Вступление

Безумье, скарედность, и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, улаждают,
Как насекомые, и жалят и язвят.

Упорен в нас порок, раскаянье – притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.

И Демон Трисмегист, баюкая мечту,
На мягком ложе зла наш разум усыпляет;
Он волю, золото души, испепеляет,
И, как столбы паров, бросает в пустоту;

Сам Дьявол нас влечет сетями преступления
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья;

Как грудь, поблекшую от грязных ласк, грызет
В вертепе нищенском иной гуляка праздный,
Мы новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод;

У нас в мозгу кишит рой демонов безумный,
Как бесконечный клуб змеящихся червей;
Вдохнет ли воздух грудь – уж Смерть клокочет в ней
Вливаясь в легкие струей незримо-шумной.

До сей поры кинжал, огонь и горький яд
Еще не вывели багрового узора;
Как по канве, по дням бессилья и позора,

Наш дух растлением до сей поры объят!

Средь чудищ лающих, рыкающих, свистящих,
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце всех страстей,
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих,

Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все исступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушенье.
Оно поглотит мир одним своим зевком!

То – Скука! – Облаком своей houка¹ одета,
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник,
Ты знал чудовище утонченное это?!

Перевод Элиса

¹ Houка – восточная трубка для курения опиума, наподобие кальяна, в которой наркотический дым пропускался сквозь воду.

Сплин и идеал

I

Благословение

Лишь в мир тоскующий верховных сил веленьем
Явился вдруг поэт – не в силах слез унять,
С безумным ужасом, с мольбой, с богохуленьем
Простерла длани ввысь его родная мать!

«Родила б лучше я гнездо эхидн презренных,
Чем это чудище смешное... С этих пор
Я проклиная ночь, в огне страстей мгновенных
Во мне зачавшую возмездье за позор!

Лишь мне меж женами печаль и отвращенье
В того, кого люблю, дано судьбой вдохнуть;
О, почему в огонь не смею я швырнуть,
Как страстное письмо, свое же порожденье!

Но я отмщу за все: проклятия небес
Я обращаю на их орудие слепое;
Я искалечу ствол, чтобы на нем исчез
Бесследно мерзкий плод, источенный чумою!»

И не поняв того, что Высший Рок судил,
И пену ярости глотая в иступление,
Мать обрекла себя на вечное сожженье —
Ей материнский грех костер соорудил!

А между тем дитя, резвяся, расцветает;
То – Ангел осенил дитя своим крылом.
Малютка нектар пьет, амброзию вкушает
И дышит солнечным живительным лучом;

Играет с ветерком, и с тучкой речь заводит,
И с песней по пути погибели идет,
И Ангел крестный путь за ним вослед проходит,
И, щебетание услыша, слезы льет.

Дитя! Повсюду ждет тебя одно страданье;
Все изменяет вокруг, все гибнет без следа,
И каждый, злобствуя на кроткое созданье,
Пытает детский ум и сердце без стыда!

В твоё вино и хлеб они золу мешают
И бешеной слюной твои уста язвят;
Они всего тебя с насмешкою лишают,
И даже самый след обходят и клеймят!

Смотри, и даже та, кого ты звал своею,
Средь уличной толпы кричит, над всем глумясь:
«Он пал передо мной, восторгом пламеня;
Над ним, как древний бог, я гордо вознеслась!

Окутана волной божественных курений,
Я вознеслась над ним, в мольбе склоненным ниц;
Я жажду от него коленопреклонений
И требую, смеясь, я жертвенных кошниц.

Когда ж прискучат мне безбожные забавы,
Я возложу, смеясь, к нему, на эту грудь
Длань страшной гарпии: когтистый и кровавый
До сердца самого она проточит путь.

И сердце, полное последних трепетаний,
Как из гнезда – птенца, из груди вырву я,
И брошу прочь, смеясь, чтоб после истязаний
С ним поиграть могла и кошечка моя!» —

Тогда в простор небес он длани простирает
Туда, где Вечный Трон торжественно горит;
Он полчища врагов безумных презирает,
Лучами чистыми и яркими залит:

– «Благословен Господь, даруя нам страданья,
Что грешный дух влекут божественной стезей;
Восторг вкушаю я из чаши испытанья,
Как чистый ток вина для тех, кто тверд душой!

Я ведаю, в стране священных легионов,
В селеньях праведных, где воздыханий нет,
На вечном празднике Небесных Сил и Тронов,

Среди ликующих воссядет и Поэт!

Страданье – путь один в обитель славы вечной,
Туда, где адских ков, земных скорбей конец;
Из всех веков и царств Вселенной бесконечной
Я для себя сплету мистический венец!

Пред тем венцом – ничто и блеск камней
Пальмиры,
И блеск еще никем невиданных камней,
Пред тем венцом – ничто и перлы, и сапфиры,
Творец, твоей рукой встревоженных морей.

И будет он сплетен из чистого сиянья
Святого очага, горящего в веках,
И смертных всех очей неверное мерцанье
Померкнет перед ним, как отблеск в Зеркалах!»

Перевод Эллиса

II Альбатрос

Во время плаванья, когда толпе матросов
Случается поймать над бездною морей
Огромных, белых птиц, могучих альбатросов,
Беспечных спутников отважных кораблей, —

На доски их кладут: и вот, изнемогая,
Труслив и неуклюж, как два больших весла,
Влачит недавний царь заоблачного края
По грязной палубе два трепетных крыла.

Лазури гордый сын, что бури обгоняет,
Он стал уродливым, и жалким, и смешным,
Зажженной трубкою матрос его пугает
И дразнит с хохотом, прикинувшись хромым.

Поэт, как альбатрос, отважно, без усилья
Пока он – в небесах, витает в бурной мгле,
Но исполинские, невидимые крылья
В толпе ему ходить мешают по земле.

Перевод Д. Мережковского

III Полет

Высоко над водой, высоко над лугами,
Горами, тучами и волнами морей,
Над горней сферой звезд и солнечных лучей
Мой дух, эфирных волн не скован берегами, —

Как обмирающий на гребнях волн пловец,

Мой дух возносится к мирам необозримым;
Восторгом схваченный ничем не выразимым,
Безбрежность бороздит он из конца в конец!

Покинь земной туман нечистый, ядовитый;
Эфиром горних стран очищен и согрет,
Как нектар огненный, впивай небесный свет,
В пространствах без конца таинственно разлитый.

Отягощенную туманом бытия,
Страну уныния и скорби необъятной
Покинь, чтоб взмахом крыл умчаться безвозвратно
В поля блаженные, в небесные края!..

Блажен лишь тот, чья мысль, окрылена зарею,
Свободной птицею стремится в небеса, —
Кто внял цветов и трав немые голоса,
Чей дух возносится высоко над землею!

Перевод Эллиса

IV Соответствия

Природа – строгий храм, где строй живых колонн
Порой чуть внятный звук украдкой уронит;
Лесами символов бредет, в их чащах тонет

Смущенный человек, их взглядом умилен.

Как эхо отзвуков в один аккорд неясный,
Где все едино, свет и ночи темнота,
Благоухания, и звуки, и цвета
В ней сочетаются в гармонии согласной.

Есть запах девственный; как луг, он чист и свят,
Как тело детское, высокий звук гобоя;
И есть торжественный, развратный аромат —

Слиянье ладана и амбры и бензоя:
В нем бесконечное доступно вдруг для нас,
В нем высших дум восторг и лучших чувств экстаз!

Перевод Эллиса

V

«Я полюбил нагих веков воспоминанья...»

Я полюбил нагих веков воспоминанья:
Феб золотил тогда улыбкой изваянья;
Тогда любовники, и дерзки и легки,
Вкушали радости без лжи и без тоски;
Влюбленные лучи им согревали спины,
Вдохнув здоровый дух в искусные машины,

И плодоносная Кибела без числа
Своим возлюбленным сынам дары несла;
Волчица с нежностью заботливо-покорной
Пьянила целый мир своею грудью черной;
Прекрасный, дерзостный и мощный человек
Был признанным царем всего, что создал век, —
Царем невинных дев, рожденных для лобзания,
Плодов нетронутых, не знавших увяданья!..

Поэт! Когда твой взор захочет встретить вновь
Любовь нагой четы, свободную любовь
Первоначальных дней, перед смятенным взором,
Холодным ужасом, чудовищным позором
Пронизывая грудь, возникнет пред тобой
Уродство жалкое, омытое слезой...
О дряблость тощих тел без формы, жизни, красок!
О торсы жалкие, достойные лишь масок!..
Вас с детства Пользы бог, как в латы, заковал
В пеленки медные, – согнул и изломал;
Смотрите: ваших жен, как воск, бледны ланиты;
Все ваши девушки пороками повиты:
Болезни и разврат отцов и матерей
У колыбели ждут невинных дочерей!
Мы, извращенные, мы, поздние народы,
Ждем красоты иной, чем в девственные годы:
Пленяют нас тоской изрытые черты,
Печаль красивая и яд больной мечты.
Но музы поздние народов одряхлелых
Шлют резвой юности привет в напевах смелых:

– О Юность чистая, святая навсегда!
Твой взор прозрачнее, чем светлая вода;
Ты оживляешь все в тревоге беззаботной;
Ты – синий небосвод, хор птичек перелетный;
Ты сочетаешь звук веселых голосов,
И ласки жаркие, и аромат цветов!

Перевод Эллиса

VI Маяки

О Рубенс, лени сад, покой реки забвенья!
Ты – изголовие у ложа без страстей,
Но где немолчно жизнь кипит, где все – движенье,
Как в небе ветерок, как море меж морей!

О Винчи, зеркало с неясной глубиною,
Где сонмы ангелов с улыбкой на устах
И тайной на челе витают, где стеною
Воздвиглись горы льдов с лесами на хребтах;

О Рембрандт, грустная, угрюмая больница
С Распятьем посреди, где внятен вздох больных,
Где брезжит зимняя, неверная денница,
Где гимн молитвенный среди проклятий стих!

Анджело, странный мир: Христы и Геркулесы
Здесь перемешаны; здесь привидений круг,
Лишь мир окутают вечерней тьмы завесы,
Срывая саваны, к нам тянет кисти рук.

Пюже, печальный царь навеки осужденных,
Одевший красотой уродство и позор,
Надменный дух, ланит поблеклость изможденных,
То сладострастный фавн, то яростный боксер;

Ватто! О карнавал, где много знаменитых
Сердец, как бабочки, порхают и горят,
Где блещет шумный вихрь безумий, с люстр излитых,
И где орнаментов расцвел нарядный ряд!

О Гойя, злой кошмар, весь полный тайн бездонных,
Проклятых шабашей, зародышей в котлах,
Старух пред зеркалом, малюток обнаженных,
Где даже демонов волнует страсть и страх;

Делакруа, затон кровавый, где витает
Рой падших Ангелов; чтоб вечно зеленеть,
Там лес тенистых пихт чудесно вырастает;
Там, как у Вебера, звучит глухая медь;

Все эти жалобы, экстазы, взрывы смеха,
Богохуления, Те Деум, реки слез,
То – лабиринтами умноженное эхо,
Блаженный опиум, восторг небесных грез!

То – часового крик, отсюда повторенный,
Команда рупоров, ответный дружный рев,
Маяк, на тысячах высот воспламененный,
Призыв охотника из глубины лесов!

Творец! вот лучшее от века указанье,
Что в нас святой огонь не может не гореть,
Что наше горькое, безумное рыданье
У берега вечности лишь может замереть!

Перевод Эллиса

VI

Больная муза

О, Муза, что с тобой? С утра запали очи,
В виденьях сумрачных остановился взгляд,
В лице, как в зеркале, все отраженья ночи,
Молчанья, ужаса, безумья черный яд.

Лютен ли розовый, зеленый ли суккуб,
Излив в тебя любовь и страх из темной урны,
Где дразнится кошмар, мучителей и груб,
Тебя купали на болотах, близ Минтурны?

Здоровьем я тебя хотел бы наградить,

Из лона твоего мысль крепкую родить,
В кровь христианскую влить крови ток античной,

Где царствуют вдвоем, даруя слог ритмичный,
И Феб, отец стихов и песен вдохновитель,
И сам великий Пан, жнецов и жатв властитель!

Перевод О. Глебовой-Судейкиной

VIII

Продажная муза

О муза нищая, влюбленная в чертоги!
Когда Январь опять освободит Борей,
В те черные часы безрадостных ночей
Чем посиневшие свои согреешь ноги?

Ведь мрамор плеч твоих опять не оживет
От света позднего, что бросит ставень тесный;
В твой кошелек пустой и в твой чертог чудесный
Не бросит золота лазурный небосвод!

За хлеб насущный свой ты петь должна – и пой
Те Деум; так дитя, не веря в гимн святой,
Поет, на блеск святых кадилъниц улыбаясь.

Нет... лучше, как паяц, себя толпе отдай

И смейся, тайными слезами обливаясь,
И печень жирную у черни услаждай.

Перевод Эллиса

IX Плохой монах

На каменных стенах святых монастырей
В картинах Истину монахи раскрывали;
Святые символы любовью согревали
Сердца, остывшие у строгих алтарей.

В наш век забытые, великие аскеты
В века, цветущие посевами Христа,
Сокрыли в склепный мрак священные обеты
И прославляли Смерть их строгие уста!

– Монах отверженный, в своей душе, как в склепе,
От века я один скитаньям обречен,
Встречая пустоту и мрак со всех сторон;

О нерадивый дух! – воспрянь, расторгни цепи,
Презри бессилие, унынье и позор;
Трудись без устали, зажги любовью взор.

Перевод Эллиса

Х Враг

Моя весна была зловещим ураганом,
Пронзенным кое-где сверкающим лучом;
В саду разрушенном не быть плодам румяным —
В нем льет осенний дождь и не смолкает гром.

Душа исполнена осенних созерцаний;
Лопатой, граблями я, не жалея сил,
Спешу собрать земли размоченные ткани,
Где воды жадные изрыли ряд могил.

О новые цветы, невиданные грезы,
В земле размоченной и рыхлой, как песок,
Вам не дано впитать животворящий сок!

Все внятней Времени смертельные угрозы:
О горе! впившись в грудь, вливая в сердце мрак,
Высасывая кровь, растет и крепнет Враг.

Перевод Элиса

XI

Неудача

О если б в грудь мою проник,
Сизиф, твой дух в работе смелый,
Я б труд свершил рукой умелой!
Искусство – вечность, Время – миг.

К гробам покинутым, печальным,
Гробниц великих бросив стан,
Мой дух, гремя как барабан,
Несется с маршем погребальным.

Вдали от лота и лопат,
В холодном сумраке забвенья
Сокровищ чудных груды спят;

В глухом безлюдье льют растенья
Томительный, как сожаленья,
Как тайна, сладкий аромат.

Перевод Элиса

ХII

Прежняя жизнь

Я прожил много лет средь портиков широких,
Что в бликах солнечных торжественно горят;
Как в сумраке пещер базальтовых, глубоких,
Я полюбил бродить под сенью колоннад.

Волной колышима, лазурь небес далеких
И догорающий в моих зрачках закат,
И полнозвучный рев и звон валов высоких
Одной гармонией ласкали слух и взгляд.

Я прожил много лет, покоем восхищенный,
Среди лазури волн и пышной красоты,
С толпой моих рабов, нагой и умощенной;

Зной охлаждающих широких пальм листы
Заботливо рабы над головой качали,
Но тайных ран души, увы, не облегчали.

Перевод Элиса

ХІІІ

Цыгане в пути

Пророческий народ с блестящими зрачками
В путь дальний тронулся, влача своих детей
На спинах, у сосцов отвиснувших грудей,
Питая алчность губ роскошными дарами;

Вслед за кибитками, тяжелыми возами,
Блестя оружием, бредет толпа мужей,
Грустя о призраках первоначальных дней,
Блуждая в небесах усталыми глазами.

Навстречу им сверчок, слышав шум шагов,
Заводит песнь свою из чащи запыленной;
Кибела стелет им живой ковер цветов,

Струит из скал ручей в пустыне раскаленной,
И тем, чей взор проник во мглу грядущих дней,
Готовит пышный кров средь пыли и камней.

Перевод Элиса

XIV

Человек и Море

Свободный человек, от века полюбил
Ты океан – двойник твоей души мятежной;
В разбеге вечном волн он, как и ты, безбрежный,
Всю бездну горьких дум чудесно отразил.

Ты рвешься ринуться туда; отваги полн,
Чтоб заключить простор холодных вод в объятья,
Развеять скорбь души под гордый ропот волн,
Сливая с ревом вод безумные проклятья.

Вы оба сумрачны, зловеще-молчаливы.
Кто, человек, твои изведаль глубины?
Кто скажет, океан, куда погребены
Твои несметные богатства, страж ревнивый?

И, бездны долгих лет сражаясь без конца,
Не зная жалости, пощады, угрызений,
Вы смерти жаждете, вы жаждете сражений,
Два брата страшные, два вечные борца!

Перевод Эллиса

XV

Дон Жуан в аду

Вот к подземной волне он, смеясь, подступает.
Вот бесстрашно обол свой Харону швырнул;
Страшный нищий в лицо ему дерзко взглянул
И весло за веслом у него вырывает.

И, отвислые груди свои обнажив,
Словно стадо загубленных жертв, за кормою
Сонмы женщин мнутся, весь берег покрыв;
Вторят черные своды протяжному вою.

Сганарелло твердит об уплате долгов,
Дон Луис указывает рукой ослабелой
Смельчака, осквернившего лоб его белый,
Мертвецам, что блуждают у тех берегов.

Снова тень непорочной Эльвиры склонилась
Пред изменником, полная тихой мольбой,
Чтобы вновь сладость первых речей засветилась,
Чтоб ее подарил он улыбкой одной.

У руля, весь окован железной броней,
Исполин возвышается черной горой,
Но, на шпагу свою опершись рукою,

За волною следит равнодушно герой.

Перевод Эллиса

XVI

Наказание гордости

В век Теологии, когда она выросла,
Как сеть цветущая, и землю оплела
(Гласит предание), жил доктор знаменитый.
Он свет угаснувший, в бездонной тьме сокрытый,
На дне погибших душ чудесно вновь зажег,
И горний путь пред ним таинственно пролег,
Путь райских радостей и почестей небесных
В обитель чистых душ и духов бестелесных.
Но высота небес для гордых душ страшна,
И в душу гордую вселился Сатана:
«Иисус, – вскричал мудрец, – ты мною возвеличен,
И мною ж будешь ты низвергнут, обезличен:
С твоею славою ты свой сравнишь стыд, —
Как вид зародыша, смешон твой станет вид!»

Вскричал – и в тот же миг сломился дух упорный,
И солнца светлый лик вдруг креп задернул черный,
И вдруг в его мозгу хаос заклокотал;
Затих померкший храм, где некогда блистал
Торжественный обряд святых великолепий;

Теперь все тихо в нем, навек замкнутом склепе.
И он с тех пор везде блуждает, словно пес;
Не видя ничего вокруг, слепой от слез,
Блуждая по лугам, навек лишенный света,
Не отличает он в бреду зимы от лета,
Ненужный никому и мерзостный для всех,
У злых детей одних будя веселый смех.

Перевод Эллиса

XVII

Красота

О смертный! как мечта из камня, я прекрасна!
И грудь моя, что всех погубит чередой,
Сердца художников томит любовью властно,
Подобной веществу, предвечной и немой.

В лазури царствую я сфинксом непостижным;
Как лебедь, я бела, и холодна, как снег;
Презрев движение, люблюсь неподвижным;
Вовек я не смеюсь, не плачу я вовек.

Я – строгий образец для гордых изваяний,
И, с тщетной жаждою насытить глад мечтаний,
Поэты предо мной склоняются во прах.

Но их ко мне влечет, покорных и влюбленных,
Сиянье вечности в моих глазах бессонных,
Где все прекраснее, как в чистых зеркалах.

Перевод В. Брюсова

XVIII

Идеал

Нет, ни красотками с зализанных картинок —
Столетия прошлого разлитый всюду яд! —
Ни ножкой, втиснутой в шнурованный ботинок,
Ни ручкой с веером меня не соблазнят.

Пускай восторженно поет свои хлорозы,
Больничной красотой прельщаясь, Гаварни —
Противны мне его чахоточные розы;
Мой красный идеал никак им не сродни!

Нет, сердцу моему, повисшему над бездной,
Лишь, леди Макбет, вы близки душой железной,
Вы, воплощенная Эсхилова мечта,

Да ты, о Ночь, пленить еще способна взор мой,
Дочь Микеланджело, обязанная формой
Титанам, лишь тобой насытившим уста!

Перевод Б. Лившица

XIX

Гигантша

В оны дни, как Природа, в капризности дум,
вдохновенно

Каждый день зачинала чудовищность мощных пород,
Полюбил бы я жить возле юной гигантши бесменно,
Как у ног королевы ласкательно-вкрадчивый кот.

Я любил бы глядеть, как с душой ее плоть расцветает,
И свободно растет в ужасающих играх ее;
Заглянув, угадать, что за мрачное пламя блистает
В этих влажных глазах, где, как дымка, встает забытье.

Пробегать на досуге всю пышность ее очертаний,
Проползать по уклону ее исполинских колен,
А порой в летний зной, в час, как солнце дурманом
дыханий,

На равнину повергнет ее, точно взятую в плен,
Я в тени ее пышных грудей задремал бы, мечтая,
Как у склона горы деревушка ютится глухая.

Перевод К. Бальмонта

XX Маска

Аллегорическая статуя во вкусе Ренессанса Эрнесту Кристофу, ваятелю

Вот чудо грации, Флоренции создание;
В него восторженно вперяй покорный взор;
В изгибах мускулов и в складок очертанье —
Избыток Прелести и Мощи, двух сестер;
Обожествленная резцом волшебным глыба
Предстала Женщиной, могуча и нежна,
Для ложа пышного царицей создана;
Ее лобзания пленить равно могли бы
И принца и жреца на ложе нег и сна.
С усмешкой тонкою, с улыбкой вожденной,
Где бродит гордости сверкающий экстаз,
Победоносная, она глядит на нас —
И бледный лик ее, презреньем вдохновленный,
Со всех сторон живит и обрамляет газ.
«Страсть призвала меня, меня Любовь венчает!»
В ней все – величие, и все прекрасно в ней;
Пред чарами ее, волнуясь, цепеней!
Но чудо страшное нежданно взор встречает:

Вдруг тело женщины, где чары божества,
Где обещает все восторг и изумленье —
О чудо мерзкое, позор богохуленья! —
Венчает страшная, двойная голова!
Ее прекрасный лик с гримасою красивой —
Лишь маска внешняя, обманчивый наряд,
И настоящий лик сквозь этот облик лживый
Бросает яростно неотразимый взгляд.
О Красота! клянусь, – река твоих рыданий,
Бурля, вливается в большую грудь мою;
Меня пьянит поток обманов и страданий,
Я из твоих очей струи забвенья пью!

– О чем ее печаль? Пред ней все страны света
Повержены во прах; увы, какое зло
Ее, великую, насквозь пронзить могло —
Ее, чья грудь крепка, сильна, как грудь атлета?

– Ее печаль о том, что многие года
Ей было жить дано, что жить ей должно ныне,
Но, что всего страшней, во мгле ее уныний,
Как нам, ей суждено жить завтра, жить всегда!

Перевод Элиса

XXI

Гимн красоте

Скажи, откуда ты приходишь, Красота?
Твой взор – лазурь небес иль порожденье ада?
Ты, как вино, пьянишь прильнувшие уста,
Равно ты радости и козни сеять рада.

Заря и гаснувший закат в твоих глазах,
Ты аромат струишь, как будто вечер бурный;
Героем отрок стал, великий пал во прах,
Упившись губ твоих чарующею урной.

Прислал ли ад тебя иль звездные края?
Твой Демон, словно пес, с тобою неотступно;
Всегда таинственна, безмолвна власть твоя,
И все в тебе – восторг, и все в тебе преступно!

С усмешкой гордою идешь по трупам ты,
Алмазы ужаса струят свой блеск жестокий,
Ты носишь с гордостью преступные мечты
На животе своем, как звонкие брелоки.

Вот мотылек, тобой мгновенно ослеплен,
Летит к тебе – горит, тебя благословляя;
Любовник трепетный, с возлюбленной сплетен,

Как с гробом бледный труп сливается, сгнивая.

Будь ты дитя небес иль порожденье ада,
Будь ты чудовище иль чистая мечта,
В тебе безвестная, ужасная отрада!
Ты отверзаешь нам к безбрежности врата.

Ты Бог иль Сатана? Ты Ангел иль Сирена?
Не все ль равно: лишь ты, царица Красота,
Освобождаешь мир от тягостного плена,
Шлешь благовония и звуки и цвета!

Перевод Эллиса

XXII

Экзотический аромат

Когда, закрыв глаза, я, в душный вечер лета,
Вдыхаю аромат твоих нагих грудей,
Я вижу пред собой побережия морей,
Залитых яркостью однообразной света;

Ленивый остров, где природой всем даны
Деревья странные с мясистыми плодами;
Мужчин, с могучими и стройными телами,
И женщин, чьи глаза беспечностью полны.

За острым запахом скользя к счастливым странам,
Я вижу порт, что полн и мачт, и парусов,
Еще измученных борьбою с океаном,

И тамариндовых дыхание лесов,
Что входит в грудь мою, плывя к воде с откосов,
Мешается в душе с напевами матросов.

Перевод В. Брюсова

XXIII

Волосы

О, завитое в пышные букли руно!
Аромат, отягченный волною истомы,
Напоет альков, где тепло и темно;
Я мечты пробуждаю от сладостной дремы,
Как платок надушенный взбивая руно!..

Нега Азии томной и Африки зной,
Мир далекий, отшедший, о лес благовонный,
Возникает над черной твоей глубиной!
Я парю ароматом твоим опьяненный,
Как другие сердца музыкальной волной!

Я лечу в те края, где от зноя безмолвны
Люди, полные соков, где жгут небеса;

Пусть меня унесут эти косы, как волны!
Я в тебе, море черное, грезами полный,
Вижу длинные мачты, огни, паруса;

Там свой дух напою я прохладной волною
Ароматов, напевов и ярких цветов;
Там скользят корабли золотую стезею,
Раскрывая объятия для радостных снов,
Отдаваясь небесному, вечному зною.

Я склонюсь опьяненной, влюбленной главой
К волнам черного моря, где скрыто другое,
Убаюканный качкою береговой;
В лень обильную сердце вернется больное,
В колыхание нег, в благовонный покой!

Вы лазурны, как свод высоко-округленный,
Вы – шатер далеко протянувшейся мглы;
На пушистых концах пряди с прядью сплетенной
Жадно пьет, словно влагу, мой дух опьяненный
Запах муска, кокоса и жаркой смолы.

В эти косы тяжелые буду я вечно
Рассыпать бриллиантов сверкающий свет,
Чтоб, ответив на каждый порыв быстротечный,
Ты была как оазис в степи бесконечной,
Чтобы волны бывшего поили мой бред.

Перевод Эллиса

XXIV

«Тебя, как свод ночной, безумно я люблю...»

Тебя, как свод ночной, безумно я люблю,
Тебя, великую молчальницу мою!
Ты – урна горести; ты сердце услаждаешь,
Когда насмешливо меня вдруг покидаешь,
И недоступнее мне кажется в тот миг
Бездонная лазурь, краса ночей моих!

Я как на приступ рвусь тогда к тебе, бессильный,
Ползу, как клуб червей, почуя труп могильный.
Как ты, холодная, желанна мне! Поверь, —
Неумолимая, как беспощадный зверь!

Перевод Эллиса

XXV

«Ожесточенная от скуки злых оков...»

Ожесточенная от скуки злых оков,
Ты всю вселенную вместила б в свой альков;
Отточенных зубов влекома хищной жаждой,

Ты жертву новую на день готовишь каждый.
Твои глаза блестят, как в праздничные дни
На окнах лавочек зажженные огни;
Их блеск – заемный блеск, их власть всегда случайна,
Их красота – тебе неведомая тайна!

Машина мертвая, ты жажду утолишь
Лишь кровью мировой, но мир лишь ты целишь;
Скажи, ужель тебе неведом стыд, ужели
Красоты в зеркалах твои не побледнели?
Иль зла бездонности не видит мудрый взгляд,
И, ужаснувшись, ты не пятишься назад?
Или таинственным намереньем Природы
Твои, о женщина, благословятся роды,
И от тебя в наш мир, прославив грешный род —
Кошунство высшее! – сам гений снизойдет!

Перевод Эллиса

XXVI

Sed non satiata²

О странный идол мой, чьи кудри – сумрак ночи;
Сливая дым сигар и муска аромат,
Бедром эбеновым ты мой чаруешь взгляд,
Саванны Фауст ты, дочь черной полуночи!

² Но не насытившаяся (*лат.*).

Душе желаннее, чем опиум, мрак ночи,
Губ милых эликсир, любви смертельный яд;
Пусть караваны грез сзовет твой властный взгляд,
Пусть напоят тоску твои цистерны-очи.

О демон яростный! Зрачками черных глаз
Не изливай мне в грудь своих огней без меры!
Мне не дано обнять, как Стиксу, девять раз

Тебя, развратница, смирить твой пыл Мегеры,
Безумье дерзкое бесстрашно обретать
И Прозерпиною на ложе адском стать!

Перевод Эллиса

XXVII

«Когда она идет, роняя блеск огней...»

Когда она идет, роняя блеск огней
Одеждой радужной, сбегаящей волнами,
Вдруг вспоминается мне пляска длинных змей
На остриях жезлов, протянутых волхвами.

Как горькие пески, как небеса степей,
Всегда бесчувственны к страданиям и прекрасны,
Как сочетанья волн в безбрежности морей,

Ее движения всегда равно бесстрастны!

В ней всюду тайный смысл, и все так странно в ней;
Ее граненых глаз роскошны минералы,
Где с взором ангельским слит сфинксов взор усталый,

С сияньем золота – игра немых камней;
Как блеск ненужных звезд, роскошен блеск холодный
Величья женщины прекрасной и бесплодной.

Перевод Эллиса

XXVIII

Танцующая змея

Твой вид беспечный и ленивый
Я созерцать люблю, когда
Твоих мерцаний переливы
Дрожат, как дальняя звезда.

Люблю кочующие волны
Благоухающих кудрей,
Что благовоний едких полны
И черной синевы морей.

Как челн, зарею окрыленный,
Вдруг распускает паруса,

Мой дух, мечтою умиленный,
Вдруг улетает в небеса.

И два бесчувственные глаза
Презрели радость и печаль,
Как два холодные алмаза,
Где слиты золото и сталь.

Свершая танец свой красивый,
Ты приняла, переняла
Змеи танцующей извивы
На тонком острие жезла.

Истомы ношею тяжелой
Твоя головка склонена —
То вдруг игривостью веселой
Напомнит мне игру слона.

Твой торс склоненный, удлиненный
Дрожит, как чуткая ладья,
Когда вдруг реи наклоненной
Коснется влажная струя.

И, как порой волна, вскипая,
Растет от таянья снегов,
Струится влага, проникая
Сквозь тесный ряд твоих зубов.

Мне снится: жадными губами

Вино богемское я пью,
Как небо, чистыми звездами
Осыпавшее грудь мою!

Перевод Эллиса

XXIX

Падаль

Скажи, ты помнишь ли ту вещь, что приковала
Наш взор, обласканный сияньем летних дней,
Ту падаль, что вокруг зловонье изливала,
Труп, опрокинутый на ложе из камней.

Он, ноги тощие к лазури простирая,
Дыша отравую, весь в гное и в поту
Валялся там и гнил, все недра разверзая
С распутством женщины, что кажет наготу.

И солнце жадное над падалью сверкало,
Стремясь скорее все до капли разложить,
Вернуть Природе все, что власть ее соткала,
Все то, что некогда горело жаждой жить!

Под взорами небес, зловонье изливая,
Она раскинулась чудовищным цветком,
И задыхалась ты – и, словно неживая,

Готовилась упасть на свежий луг ничком.

Неслось жужжанье мух из живота гнилого,
Личинок жадные и черные полки
Струились, как смола, из остова живого,
И, шевелясь, ползли истлевшие куски.

Волной кипящею пред нами труп вздымался;
Он низвергался вниз, чтоб снова вырастать,
И как-то странно жил и странно колыхался,
И раздувался весь, чтоб больше, больше стать!

И странной музыкой все вокруг него дышало,
Как будто ветра вздох был слит с журчаньем вод,
Как будто в веялке, кружась, зерно шуршало
И свой ритмический свершало оборот.

Вдруг нам почудилось, что пеленою черной
Распавшись, труп исчез, как побледневший сон.
Как контур выцветший, что, взору непокорный,
Воспоминанием бывает довершен.

И пес встревоженный, сердитый и голодный,
Укрывшись за скалой, с ворчаньем мига ждал,
Чтоб снова броситься на смрадный труп свободно
И вновь глодать скелет, который он глодал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.